

КРОКОДИЛ

Рис. И. Малютина.

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА.

Илья Малютин

МЕЖЕВОЙ: — Вот недельки через три я вас и размежую...

КРЕСТЬЯНИН: — Нельзя ли поскорей, товарищ дорогой. А то через три недели у нас все костыми полягут.

— Наш зав едет на курорт терять вес...
— Странно! Он и так не имеет никакого веса...

НЕОЦЕНЕННЫЙ

(По Чехову).

У секретаря сельячейки сидел инструктор губкома и, вертя в руках циркулярное письмо ЦК, говорил:

— Что вы там ни говорите, товарищ Ударов, а вы виноваты. Вы оскорбляете беспартийных крестьян, отталкиваете их от советской власти. Так нельзя.

— Кой чорт их оскорбляет? — горячился Ударов: — я им только партийную этику читаю! Беспартийных надо учить. Ежели их, дураков, не учить, от них проходу не будет!

— Но, товарищ Ударов, вы им не этику читаете. Мало того, что вы их всех называете беспартийной сволочью, бандитами и контр-революционерами, у нас есть сведения, что вы даже деретесь!

— Как же его не бить, ежели он того стоит? Не понимаю!

— Но поймите же, что это совершенно недопустимо!

— Недопустимо? Ну, уж извините! Подите, кому другому рассказывайте, а меня не морочьте, товарищ, сделайте милость! Ежели вы, товарищ, из центра приехали, а про Осипа такие слова, значит вы положительно не в курсе. Я за кооперацию его ударил, потому что про кооперацию может рассуждать только партийный, а ежели ты беспартийный, то сиди себе в уголку и молчи, молчи да слушай, как партийные говорят! А он, болван, так и норовит что-нибудь этакое запустить. Верите-ли: на газету, каналья, сылается??

— Позвольте, товарищ...

Инструктор даже вздохнул. Потом покрутил головой и в простых, вразумительных словах обрисовал четкую линию партии в деревне. Говорил не долго, но убедительно. Ударов сконфузился:

— Что-ж, если линия, то и я! Как дисциплинированный член партии в порядке партийной, так сказать, дисциплины...

— Вот кстати, сейчас в клубе общее собрание пайщиков кооператива. Прекрасный случай для вас выступить с новой линией партии, изложить, так сказать, и прочее. Вы готовы?

На общем собрании Ударов выступил с докладом:

— Как наша партия проводит новую политику в деревне, то и я согласен. Хотят, чтобы я вам «вы» говорил, — шут с вами, буду «вы» говорить, — хоть за ручку буду с каждым здороваться! Хотят, чтобы я вас за умных почитал, — извольте! Пальцем чтоб не притрогиваться, — не притронусь, мне наплевать. Раз линия, то и я. А только... свиньи вы все, сволочь беспартийная...

— Прошу товарища оратора не ругаться!

— Какое же это ругательство? Это я так говорю, наставляю! Линию я воспринял и ругаться не думаю. Стану я с вами шутками, связываться после того, как вы на меня жалобу подали! А ежели я нечаянно сейчас вас свиньей назвал, так вы свиньи и есть! Чем, можно сказать, за меня горой стоять, как я вас четыре года опекаю, вы на меня же, на своего вожда, жалобу глупую подаете, а там разных меньшевистских провокаторов подсылают!

— Позвольте, — возмутился инструктор: — не провокаторы были у вас, а я. Прошу вас поосторожнее!

— Да нешто я про вас? Приезжайте хоть каждый день, милости просим. Только мне удивительно, как это вы курс кончили в политграмоте, партийный, а вместо того, чтобы этих индюков наставлять, руку их держите! Их в тюрьме гноить надо... Ну, да ладно. Перехожу дальше!

Граждане, теперь нам требуется выбрать правление. У партии линия — безо всякого командования и административных нажимов. Я и говорю, граждане: вот вам составленный мной список, в коем я помечен председателем правления, а остальные тоже партийные товарищи, хотя вы их, может, и не знаете. Предлагаю без обсуждения голосовать за этот список и сразу безоговорочно.

— Дозвольте обсудить списочек-то! — попросил один из крестьян: — и опять же в правление мы и своих желаем провести!

— Ах, так! И ты можешь мне это говорить?

Ударов побагровел и затрясся:

— И ты осмелился? На же тебе! И кроме того, что я тебе, подлецу, оплеуху дал, я тебя еще в гелею отправлю! Я т-тебе покажу, как контр-революцией заниматься! Товарищ инструктор, что же вы смотрите? Тут живая контр-революция, а вы смотрите? Инструктировать приехали, а как контр-революция, так и не ваше дело? А?!

Инструктор вышел из клуба. Ударов остался в клубе. Он был ответственный ЗАГС. Но получилось письмо от коммунистки тов. Боголеповой из Воронежской губернии приблизительно та-

Через неделю Ударов сидел перед партколлегией губКК и сразу не мог поверить, что его в чем-то обвиняют. Когда же губКК вынесла свое суровое постановление, он горько улыбнулся и заявил:

— Гм. Против меня контр-революция пошла и меня же с работы снимают? Удивление... Надо, товарищи, по существу в деле разбираться, а не умствуя. В 1919 году таких, как Осип, в чеку отправляли, а вы им поблажку даете... Что-ж из этого выйдет? Вы их, шельмов, оправдаете, другие оправдают... Где же тогда управы на них искать?

Вл. Павлов.

СМЕНА БЕЛЬЯ ИЛИ СМЕНА ФАМИЛИИ?

Новый быт, оказывается, имеет крепкие зубы и больно кусается. А мы его все еще изображаем беззубым розовым младенцем. Какое заблуждение!

Написал я в «Крокодиле» статью под названием:

«Николай Романов — пожалуйста бритесь!»

Фельетонисту Николаю Романову, старому моему приятелю, предлагалось переменить свою фамилию на другую, более приличествующую старому большевику.

Откликнулся наш Николай Романов. В стиле пышных манифестов своего незабвенного тезки он возвещает, что он готов и бриться, и октябрьсья, и что новая фамилия у него уже готова. Он согласен, чтобы его согласно установленному церемониалу завернули в красное сатиновое одеяльце (желательно двухспальное) и торжественно вынесли на сцену, чтобы какой-нибудь мощный шеф поклялся воспитать его в коммунистическом духе. Он, как мы видим, на все согласен. Не согласен только платить в ЗАГС за перемену фамилии 55 рублей. А ЗАГС дешевле тоже никак не согласен.

Подумали мы, что это лишь в Кустанае такой кровопийственный ЗАГС. Но получилось письмо от коммунистки тов. Боголеповой из Воронежской губернии приблизительно такого же содержания. И она под впечатлением моей статьи устремилась было в ЗАГС, чтобы сбросить с себя частичку старого быта и обрести новую безбожную фамилию. Но новый быт вцепился острыми зубами в тощий коммунистический карман и потребовал за перемену фамилии 55 рублей. И Боголепова отскочила от ЗАГСА так же быстро, как и Николай Романов.

Последний с грубостью большевика спрашивает: не лучше ли завести смену белья и обождать со сменой фамилии? Или, — спрашивает он ехидно, — может быть, «Крокодил» пришлет ему «на зубок», как новорожденному, требуемые ЗАГСом 55 рублей?

Крокодил отвечает категорически:

— На зубок не даем!

Но на зубы берем. И попробуем зубом наркомвнуделово мясо: нельзя ли удешевить приобщение к новому быту.

А пока что — бьем отбой и объявляем как Николаю Романову, так и прочим растревоженным людям:

— Обзавайтесь лучше сменой белья.

Пусть покамест октяблятся нэпманы, чорт бы их побрал!

Наше от нас не уйдет.

Л. Сосновский

ПОСЕТИТЕЛЬ.

Когда мухе отрывают голову,—туловище ее еще долго продолжает мерещить ножками, и со стороны может даже показаться, что голова была для мухи совершенно лишним «сверхштатным» придатком и что, вообще, голова в мушином царстве—«буржуазный предрассудок».

Совсем обратное вышеописанному произошло в некоем советском учреждении, в главе которого стоял некий «незаменимый работник».

Незаменимый, несмотря на свою «незаменимость», в одно несчастливое утро «приказал долго жить».

Туловище осталось без головы.

С утра оно еще, правда, довершало инерцию: скрипели перьями и кляксели копировальными чернилами в grosбухах конторщики, хмурился и обнюхивал счета бухгалтер, стучали пишмашинки....

Впрочем, через пятнадцать минут после того, как прекратилось биение сердца заведующего, туловище—учреждение узнало, что оно «обезглавлено», и сразу же прекратило свои жизненные функции. Пишмашинки оборвали свой стук на согласной букве, бухгалтер красным карандашом поставил крест на неоплаченном счете, самоварная сторожиха вылила в припадке чувствительности воду в самоварную трубу.

Потом открыты были сборы на венок заву, причем все очень жалели, что зав умер не в день полочки, что заметно отразилось на сборах.

День похорон отмечен был в учреждении лирическими воспоминаниями об угасшем начальнике.

Следующий день говорили о семье усопшего и о ближайших его родственниках. Еще один день был ухлопан на обсуждение новой кандидатуры на должность заведующего. Учреждение прохлаждалось в ничего-неделании,—это был траурный, но сладкий отдых, и учрежденческий остряк даже такую табличку в траурной рамке повесил у входа в учреждение: «По случаю смерти хозяина и болезни учреждения—занятия не производятся».

Но все же посиживали на своих местах, курили и, не без приятности, позевывали....

И посетители, обычно наводившие учреждение, спускались, пожимая плечами, вниз по лестнице.

Все, кроме одного.

Этот—один, в рыжей кепке, в потертой толстовке и в заплатах штбллетах—нерешительно вошел в учреждение и тихонько кашлянул у конторки.

— Вам что? — отозвался недоумевающий конторщик: — вам что, собственно, угодно?

— Мне, видите-ли... я... — замялся посетитель, — нельзя ли мне....

— Ничего-с нельзя-с!..

— Но к кому же мне обра...?

— То-ва-рищ! Говорят вам черным по белому,—ничего-с нельзя-с!..

А вы...

Посетитель еще более с'ежил и попросил виновато:

— Извините, товарищ, но не можете ли вы мне хотя бы указать: кто у вас здесь старший?

— Все—старшие! — буркнул обиженный в своем служебном достоинстве конторщик и повернулся спиной к просителю.

Проситель, скривив старыми штбллетами, подошел к машинистке, но машинистка была погружена в срочное внеочередное занятие: пудрила свой нос.

Посетитель вздохнул, махнул рукой и оглянулся беспомощно по сторонам.

Проходила мимо самоварная сторожиха, — посетитель вежливо поклонился:

— Извините... мне нужно узнать...

— Дык, что я могу! — развела руками сторожиха, — дык, что я знаю... Я-ж по самоварной части!..

— Да, но к старшему вашему...

— Помер наш старший!

— А кто его заменяет?

— Нету таковского, не родился еще... Да и что вы тут, гражданин, следствие наводите! — озлилась сторожиха, — ничего я не знаю, я самоварная женщина!

Лоб и шея посетителя покрылись испариной. И вдруг он увидел табличку: «Главный бухгалтер».

Посетитель робко приоткрыл дверь бухгалтерской,—и через полминуты оттуда волнами полился грозный главбуховский голос:

— Вы что же это, милсдарь, сюда без разрешения входите,—что-ж, по-вашему, милсдарь, двери для того существуют, чтобы их держать для всех нараспашку, или вы полагаете, что...

— Но, товарищ! — возразил посетитель, — должен же я связаться с кем-либо из...

— Это как, то-есть, связаться? — огрызнулся главбух, — в каком таком смысле связаться? Я вас, милсдарь, не понимаю, и вообще....

Посетитель протянул главбуху бумажку—отношение—и смиренно ждал, пока главбух, багровея и покрываясь крупными градинами пота, не дочитал бумажку посетителя, не вскочил со своего места и не воскликнул умоляющим голосом:

— Садитесь, пожалуйста... я... мы... я очень... оч-чень...

— Ой, и будет нам баня за такой прием нового зава!—вздохали присмирившие служащие. — Ой, и бедные же мы будем, как мухи на палочке!..

Митниченко.

ПЛЯС-МИНИСТЕРСТВО.

В Варшаве группа лиц, проживающих по соседству со зданием министерства аграрных реформ, напечатало в «Газете Боранной» письмо с жалобой на то, что в министерстве постоянно устраиваются балы с танцами. Музыка и шум не дают жителям окружающих домов спать.

Роста.

— Это что еще за зверство!—

Хныкали поляки,—

— Днем и ночью министерство

Жарит краковяки!

— Не слышали до сих пор мы,—

В ум приходит массам,—

Чтоб аграрные реформы

Разрешались плясом!

Час придет—прогонят прочь их,

Кто кует и пашет.

Пан под музыку рабочих

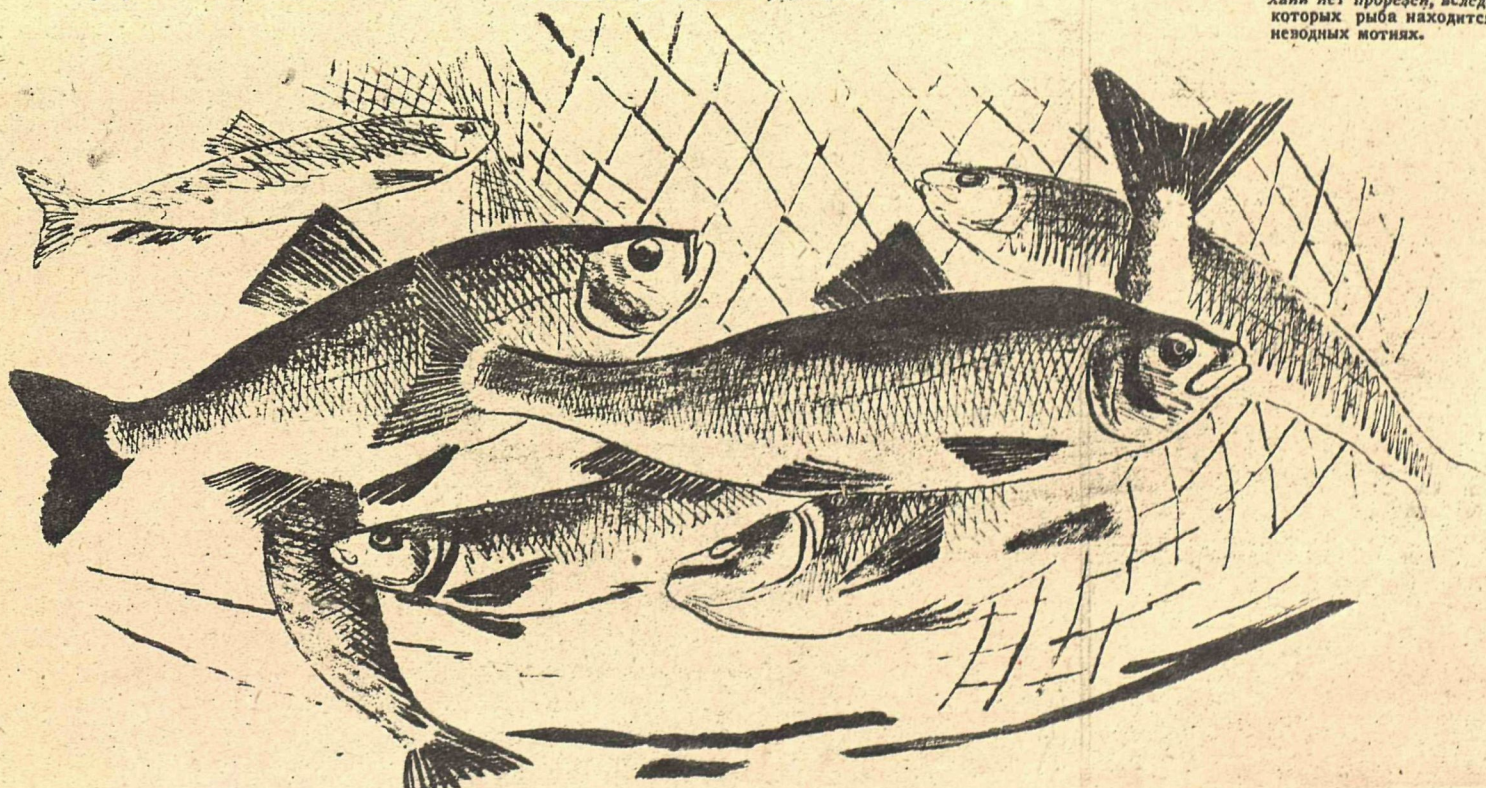
И не так запляшет!

Доль.

Рис. Н. Купреянова.

РЫБА В НЕВОДНОЙ МОТНЕ.

На некоторых промыслах в Астрахани нет прорезей, вследствие нехватки которых рыба находится завязанной в неводных мотнях.

РЫБА: — Чорт знает, что такое! Сидя тут в мотне! Негде носолить—так не ловили бы!

НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ,

Трамвай—забыли маршрут,
Совсем не туда идут,
Куда полагается.
Тычутся, мечутся, спотыкаются,
Будто они пьяным-пьяны.
Тренькают, дзенькают.
Полным-полны...

Народ набился битком.
— Товарищ, мы не туда завернули!
Кондуктор кипит кипятком:
— Вы бы еще покрепче заснули!
„Не туда! Не туда!“
Ведь я об'яснял вам? Да?
Русским вам говорил языком—
Этот трамвай не пойдет в город!
— А куда же?
— Куда? На Ленинские горы!

На остановках идут бои:
Помятые шляпки, сбитые кепки.
— Держите лучше карманы свои!
— Ой, какой у вас локоть крепкий!
— Пройдите еще... еще немножко!!
Вон туда... на площадку, вглубь!
Свисток.— Гражданин, сойдите с подножки!
Пожалуйте рупь!

Там, на Ленинских горах
Ходит катер на парах.

Как селедки
Вдалеке
Сбились лодки
На реке,

А меж ними—тел сверканье.
Всеяродное купанье.
Люди—словно караси,
— Впрямь крещение руси!

Всюду толпы—просто страх!
Вся Москва—на горах.
Сотни, тысячи народу
Жадно нюхают природу,—
Травку,
Муравку,
Кочки,
Цветочки.

Ленты пестрые колонн
Топчут „Красный стадион“.
Карапузик с братом старшим,
Физкультурник, пионер—
Все шагают крепким маршем
На особенный манер:
Под оркестры, хоть не хощь,
Мухой сонной не пойдешь...
Старичок с седыми усиками
Щеголяет гордо трусиками,
Между стройных юных тел
Он и сам помолодел:
Эта музыка, движение

Лучше, чем омоложение!

В Моссельпромвской столовке
Море шума, море крику...
Повара при всей сноровке
Сразу сбились спанталку.

Вышел враз
Весь запас.
Мяса нет
Для котлет!

Половые,—как волчки,
Пот на лбу, поднос подмышкой...
И газетчики-мальчишки
Собирают пяточки...

К вечеру—меньше давки:
Погребли, посмеялись,
Повалялись на травке—
Нагулялись.

— Ваня! В черед скорей вставай,
Видишь трамвай,
Не зевай!
Гражданин, не лезьте вперед!
Соблюдайте черед!

Вечер бросил лиловые тени.
Вожатый звонит, зевая.
Букеты черемухи и сирени
Глядятся из окон трамвая...

Вас. Лебедев-Кумач.

НЕДОВЕРЧИВЫЙ.

Рис. Ю. Ганфа.

— Отец, друг ты мне?
— Ну, предположим, друг...
— А ты покажи членский билет.

Долго библиотекарь лез из кожи

И вдруг улыбнулось счастье: он влезает в кожу.

„ЛИКВИДАЦИЯ“.

В уважаемую товарищ редакцию от некоего проезжего гражданина примите и прочее. Всем вам, товарищ редакция, неизвестно, что ликвидация неграмотностей производится по всему союзу в республиканском масштабе и без исключения для деревни, о чем и поясню.

Есть такой у нас в Союзах Нолинский уезд, в который входяща Порезская волость с Рыбаковским же сельсоветом, куда в сельсовет и была прямолинейно посланная бумага с приказанием для скорейшей ликвидации всевозможных неграмотностей, как чтения так и письма, и об исполнении означенной ликвидации срочно донести.

А Рыбаковский сельский совет, испугнувшись уездно-волостного центра, сразу и в боевом порядке, на случай отказа, с конвоем приказал собрать в школу взрослых, которые неграмотные. И чтоб было всем безграмотеям при посредстве сельского исполнителя с показанием кулака объявлено:

«Чтоб в двадцать четыре часа все свои неграмотности—к чертям в ликвидацию!».

А ежели таковая ликвидация к сроку не будет выполнена, то в подобных случаях сам сельский исполнитель предается суду, как за неподчинение властям, так и за наказуемое преступление по должности. Подписано

Предсельсовета Яговкин».

И очень подобное бумажное отношение устроило сельского исполнителя. Что же было делать человечку?

Завертелся исполнитель угрем и в доказательство своей исполнительности письменно изложил заявление в Рыбаковский Совет, не дожидаясь суточного исхода:

— «Доношу. Взрослых неграмотных у нас нету. С подлинным верно, сельский исполнитель, а за неграмотного исполнителя расписался Зубков».

Вот как в деревне, товарищ редакция, в суточные скоростя ликвидируется неграмота, а вы говорите—город, а вы говорите—городская техника...

С подлинным все изложенное неким гражданином верно

Митниченко.

СЛУЧАЙ.

Так и решили.

Грибулин из гвоздильного отделения,—он старый мастер, с основания завода, уже не одного администратора видел на своем веку, знает, что им нравится. Вот ему и заняться с новым управляющим.

А Иванов—парень молодой и горячий, пусть введет в курс дела нового профуполномоченного от союза.

Что-ж? Дело не трудное. Рабочие на фронте бывали. Понимают, что такое «примениться к местности».

«Толстый! — подумал про себя Грибулин, — видно, прижимистый, небось, любит начальствовать, только виду не показывает».

— Как ваша фамилия, товарищ?

— Грибулин.

— Так вот что, товарищ Грибулин, мы с вами немного потолкуем. Вы от меня скрывать ничего не должны.

— Понимаем-с.

— Скажите, как у вас дела с администрацией? Считается она с месткомом?

— Обещалась. Я, говорит, со всей вашей шатией ужотко посчитаюсь!

— Вот как! А рабочие что-ж? Не жалуются?

— Куда там! Так зажаты, что не пикнут. Тут вам только и развернуть работу, как следует.

— Да. Я это и предполагаю.

Много еще расспрашивал толстый. Грибулин старался во-всю. Врал, конечно, но иначе нельзя. И то сказать, надо же этого спеца как-нибудь примануть, а то вот завод все время работает с переборами. Это тоже не дело.

Под конец тот вытащил книжку, что-то быстро-быстро записал. Затем прочел Грибулину.

— Правильно я записал ваши слова?

— В точку.

— Подпишитесь.

— А оно... собственно, к чему?

— Передадим прокурору по трудовым делам. Моя обязанность, как профуполномоченного...

— Как?! Вы не администратор будете?

— Нет, я от союза

Грибулин застыл.

Чрез открытое окно с легким ветерком доносился голос Иванова:

— Администрация? Да-к плевать нам: очень мы ее испугались, подумаешь!..

Маноля

* * *

Заходи в воскресенье, угощу радиосводкой.

— Ежели с водкой, то с удовольствием!

Рис. Чер

Товарищи читатели!

ПОСЫЛАЙТЕ

нам материал для отдела

ВИЛЫ В БОК!

АЛИМЕНТЫ.

Прокурор города Борисова выехал в Плещеницкий район на предмет установления революционной законности и, при обревизовании судебных дел, установил, что при всех исках на содержание детей истицы прилагали к исковому прошению удостоверения сельсоветов о бедности для освобождения от гербового сбора и судебных пошлин. Прокурор возмутился:

— Непростительная волокита! Несчастные женщины бесцельно расходуют драгоценное время, ибо закон ясно гласит: иски на содержание детей—об алиментах—от гербового сбора и судебных пошлин освобождаются! Ввозмутительно и противозаконно!

Вернувшись в Борисов, прокурор долго и жадно докладывал и рассказывал всем, всем, всем о том, как в Плещеницком районе попирается законность, как создается для ищущих алиментов излишняя волокита и как он, прокурор, принял решительные меры для борьбы с этим злом:

— Я, конечно, сразу там же из района разослал по всем сельсоветам предписание: «никаких справок по всем делам об алиментах, как не подлежащих сборам и пошлинам, не выдавать». И сразу пресек!

Товарищи и начальство хвалили прокурора и писали доклады о значении выезда центральных работников на места.

Так было в Борисове.

Предсельсовета бумагу от прокурора получили и густо заскреб в затылке:

— Элементам не давать никаких справок? Разбери-ка по понешнему, который элемент, а который так ходит? Вон, по прежнему положению, Иван Карпыч—явный был элемент, потому торговец. А ноне называется—функция, потому товар продвигает до потребителя... Подожду Терентича, может, разберет...

Пришедший вскоре секретарь сельсовета тоже призадумался:

— Не давать элементам... Что-ж! И не дадим!

— Чудак-человек! Да у нас нет элементов ни одного, кому же не давать-то?

— Ежели бы не было, — не писали бы! — резонно заявил секретарь: а раз что пишут, значит, элемент скрытый... Вот, может, Петр Митрофанович элемент?

— Это Середа-то? Нашел элемента! Может, он раньше и значился, как был кулак, а с тех пор, как переведенный в хозяйственные, — под него не подкopaешься! А в бумаге сказано, кроме того—«по всем делам». Нешто один элемент бумагу такую вызовет?

— Значит, не иначе, как скрытый! И запутают же, прости господи, из города! Нешто на лбу у него написано, что он элемент? А дашь ему справку—и попал!

Рис. Н. Купреянова.

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ.

СУСЛИК:—В газетах пишут, что многие осужденные отпущены на полевые работы. Вот, нас бы отпустили!

РЕКЛАМА лишь тогда достигает цели, когда она обращает на себя внимание.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕКЛАМА обращает на себя внимание:

1) новизною. 2) техническим выполнением в несколько красок, 3) содержанием.

В „КРОКОДИЛЕ“ художественную рекламу выполняют лучшие художники.

В „КРОКОДИЛЕ“ реклама может быть опечатана в несколько красок на машинах „ОФСЕТ“.

Реклама в „КРОКОДИЛЕ“ всегда достигнет цели.

Заказы принимаются по телефону № 2-45-23 и специальными уполномоченными.

— Может, никому не давать?—нерешительно предложил председатель.

— Что ж!—облегченно вздохнул секретарь:— кума паша, куму легче! Прямо надо говорить: хоть и требуют много от нашего брата, а все же и послабление дают,—справок вот не давать... Может, и еще что отменят...

На другой день по селу стон стоял. Предсельсовета вывесил объявление о том, что, согласно распоряжения прокурора, выдача всякого рода справок прекращена. В полдень в сельсовет пришел секретарь ячейки:

— Слушай, пред! Чего ты народ мутишь? Как так без справок? А ежели нужна человеку справка, тогда что?

— А кто его знает? Как новый курс на элемента, и прокурор пишет, чтобы сборов не собирать, пошлинами не обкладывать и справок не выдавать!

— Насчет сборов и пошлин—правильно пишет! А вот со справками... Ну, ладно! Сегодня из центра инструктор приедет,—может, он растолкует.

Инструктор приехал, увидел смятение на селе, узнал причину, потребовал бумагу, прочитал, потер переносицу:

— Гм! Тут, конечно, не в курсе дело,—курс—лицом к деревне! А как Белоруссия—плацдарм и в смысле близости границы... Но ясно сказано—алиментам не давать! С опечаткой бумага, надо не али, а элиментам! Но смысл... гм... ясен!

Были на селе покинутые мужьями бабы, ругались старики, пьянствовали взрослые...

А в Борисове прокурор долго и жадно рассказывал...

Вл. Павлов.

ГРОМКИЕ СЛОВА.

«НОТ»—это научная организация труда.

«НОЖ»—это научное оборудование жилищ. Ничего нельзя возразить ни против того, ни против другого.

Великие это вещи! И слова хорошие, когда у места!

Но хорошие слова можно подчас превратить в повод для «безоблачного» смеха.

Пришлось мне как-то послужить в одном учреждении. Много в нем было черт, типичных для многих наших учреждений. Занималось оно самым мирным делом,—скажем, для примера, заведывало всеми общественными уборными по всей республике,—а спешка в нем была такая, как если бы оно было пожарной командой в момент одновременного воспламенения всех этих уборных. Кроме того, было в нем теснее, чем в 17 номере трамвая в 9 часов утра, и нехватало в нем самых что ни на есть необходимых предметов обычной и канцелярской утвари.

— Тов. Иванов,—протестует кто-нибудь из слабеньких.—Будьте добры, пожалуйста, не дышите, как слон! Весь воздух захватили! Можно бы подумать и о других!

— Простите,—конфузится Иванов.—Того... Забылся... Приоткройте рот, я вам немного выдохну.

— Вы разрешите, тов. Петров, присесть на вас на пять минут? Спешная, знаете, справка, а на остальных уже сидят... Ну, конечно, третьего не пустим!

— Послушайте!—возмущается бухгалтер Александров.—Мы же условились, что вы дальше статьи на счетах заезжать не будете? Что вы в мои единицы с вашими миллионами в'ехали? Считайте на зубах, или держите себе на уме!

И вот в это-то учреждение ввели НОТ.

НОТ при этом сильно упирался:

— Помилуйте!—говорил он.—Что же я-то? Я тут—ни при чем... Уж очень, знаете, у вас условия... Вам бы не меня, а парочку стульев!.. По одному бы, знаете, на человека...

— Пустяки!—хлопал его по плечу инструктор.—Не смущайтесь! Мы сейчас Гаврилов?! Что же вы двумя-то половинками расселись? Это уже не по НОТ'у... По НОТ'у здесь еще на двух Фоминых места хватит... То-то!..

НОТ слушал и конфузливо улыбался, а инструктор продолжал:

— Знаете что, тов. Чирков! Разве это—НОТ? Сейчас два часа, а вы только в десятую комиссию по поднятию производительности собираетесь? По пяти в час—вот это я понимаю! Кто там чихает? Львов, это вы три раза под ряд чихнули? По НОТ'у... Что? Пыль? От недостатка воздуха? По НОТ'у воздух набирается в легкие до прихода на службу, чтобы на такую ерунду служебного времени не тратить! И насчет трех раз... Зачем же три раза приниматься за одно дело, раз его можно выполнить сразу?

Инструктор говорил, а НОТ стыдливо закрывался руками. Он был чахленький и перебить инструктора не мог.

Ну, а при чем же тут «НОЖ»?—спросит читатель.

А «НОЖ»—это так... Это—сбоку...

Тут, знаете, на Красной площади асфальтовые чаны стоят, а в них беспризорные живут.

Так вот эти самые беспризорные у себя «НОЖ» провели.

Золу, понимаете, просеяли, чтобы не так морду сажей пачкать, и еще разные прочие усовершенствования устроили.

Раньше, например, сверху к себе лазали, а потом сбоку дырочку сделали. Ляжет этак на живот и... шмыг!

Осторожнее надо употреблять слова, товарищи!

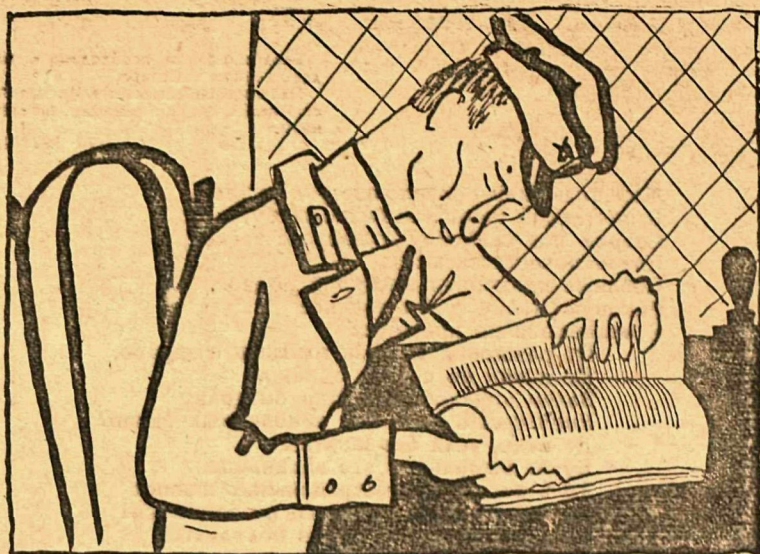
В. Авиллов.

„НЕДЕЛЯ КНИГИ“.

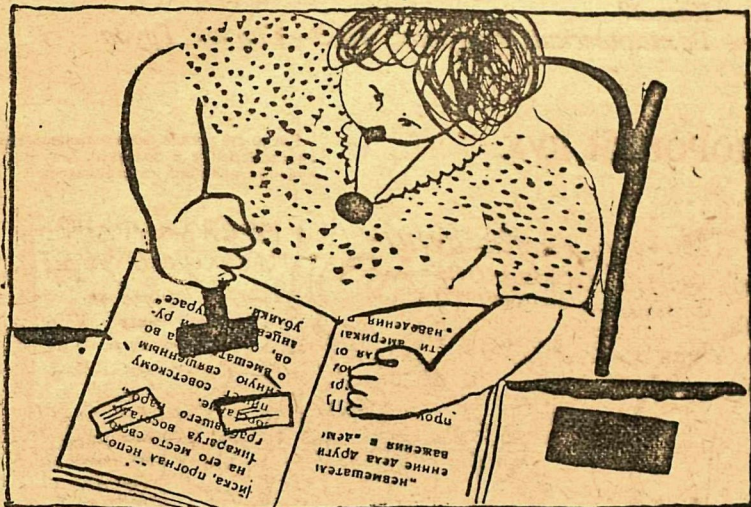
Рис. Г. Купчаянова.

В понедельник книгу сдали на почту.

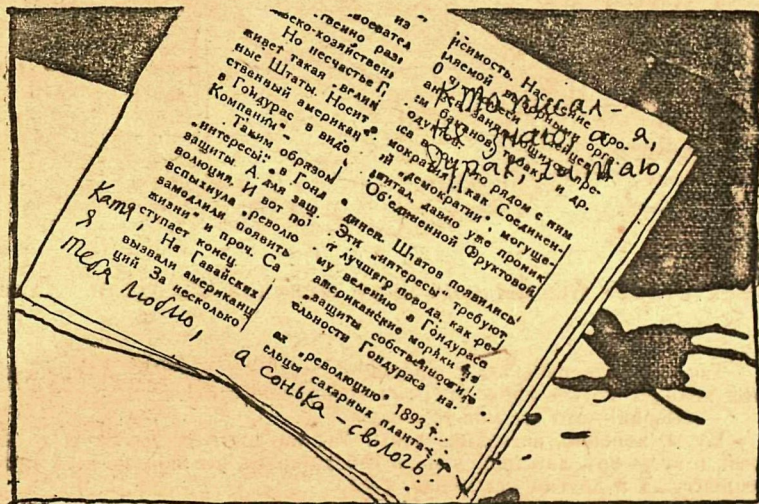
Во вторник ее читал начальник почтового отделения

В среду книга была заштемпелевана.

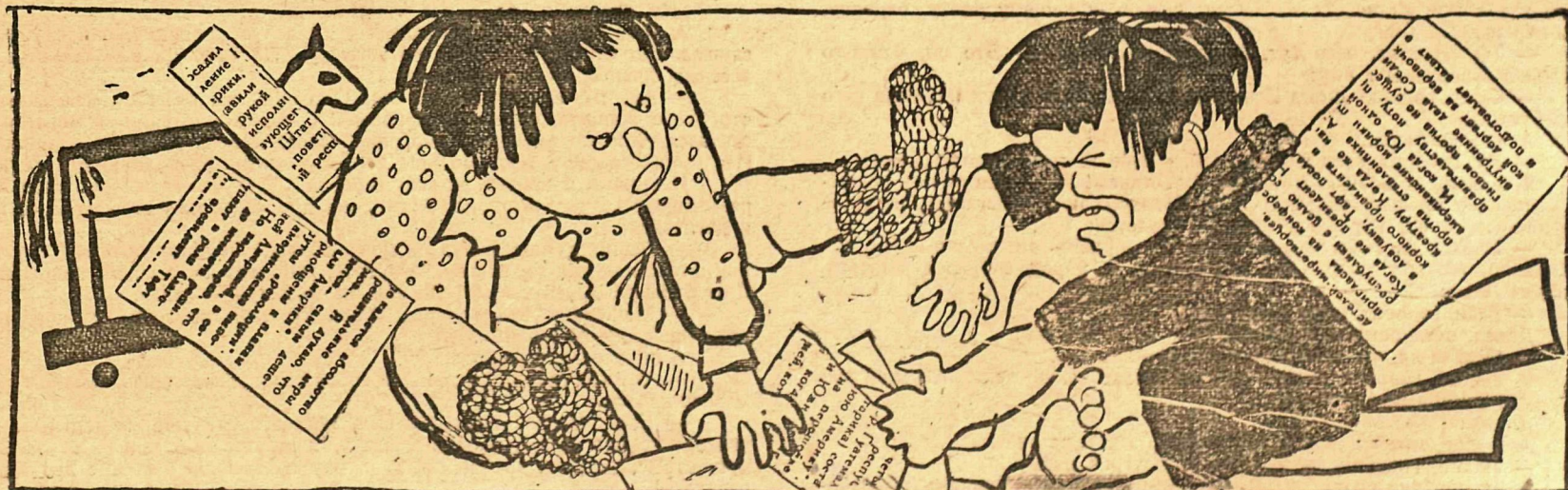
В четверг ее читали.

В пятницу на ней писали.

В субботу заинтересовались иллюстрациями.

В воскресенье, Впрочем, разве можно назвать воскресеньем этот последний для книги день.

СКЕПТИК.

Борьба с раком необходима в государственном масштабе.
Наркомздрав созывает в Москве Всесоюзный Съезд по раковым заболеваниям.

(Из газет).

Мордоплюйкин прочел газету в пивной,
В почтенной компании зеленых бутылок...
Сперва под скамейку сплюнул с тоской,
Потом почесал затылок,
Поближе придвинул жестяной поднос,
Раковую шейку сунул под нос
И меланхолично произнес:

От рождения привык мыслить я здраво,
Но никак не пойму, однако,
Зачем понадобилось Наркомздраву
Уничтожать ни в чем неповинных раков?
Да ведь, если без запятых
Будет выполнено это задание,
То в наших многострадальных пивных
Ни одного рака вареного не останется!
Оно, конечно, без раков обходиться
Мы, пожалуй, еще и могли бы
(На безрыбьи, как говорится,
И вобла—рыба),
Но боюсь я, право,
Как бы не вздумалось Наркомздраву
Добраться и до воблы, и до гороха!

Вот когда будет плохо!
Вот когда ждет нас авария!
Ну, куда понесу я трудовые рубли,
Если и „Моссельпром“, и „Новая Бавария“,
И прочие уважаемые заведения
Могут, подобно ракам, очутиться на мели
В самом дураковом положении!
Мудрит Наркомздрав, мудрит...
И чего только смотрит Нарпит!?

И снова Мордоплюйкин сплюнул под скамейку,
И снова затылок почесал тоскливо...
И, нежно поцеловав раковую шейку,
Заказал еще пару пива.

Георгий Немчинский

В ГЕРМАНИИ.

— Что вы думаете о новом кабинете?
— Думаю, что Вильгельм предложит список, а
Бармат составит прејскурант министров.

* * *

— Велика штука! Когда я со службы уходил,
мне тоже адрес поднесли.
— Какой?
— Рахмановский переулоч, № 3— Биржа Труда.

Рис. К. Ротова.

В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ НЕЗДОРОВЫЙ ДУХ.

Раскрыта шайка, подделывающая удостоверения о болезни для получения пособий из страхкассы.

— Что? Вам туберкулез? А вы знаете, почему теперь туберкулез стоит? Вы бы еще язву желудка захотели. За ваши—будьте здоровы!

МЕРЗАВЕЦ.

Есть же такие мерзавцы на свете, — и как их только матушка наша земля выносит! Такие подлецы, такие, прости господи, сволочи, уж и не знаю! Взять хоть бы нашего лавочника—Фому Игнатьева. Ну, скажи ты мне, чего ему еще нехватает? И палаты чуть не каменные, и всего вдоволь, и пьян каждый день, а не может без того, чтобы не обидеть бедного человека, ну хотя бы меня! За речкой дело было, в выселках: пил он у Агафьи, а я тем часом тут же сидел: думаю, и нашему брату, бедняку, чего перепадет... Сижку...

— Ты, говорит, чего тут, Ефрюха, расселся? — Это он, Фома-то Игнатьич, говорит. А я ему:

— Сижку, говорю, Фома Игнатьевич, думаю вам услужить, если чего потребуется...

А он засмеялся:

— Ну, говорит, вези меня домой, я тебе за то четвертную дам!

Я, конечно, с полным моим удовольствием! Запряг он меня в тележку, колокольку на шею повесил: вези! Я везу, как и полагается, не хуже чем лошадь, а он, мерзавец, еще насмехается:

— Плохая из тебя лошадь выйдет, ты ржать не умеешь!—Ну, тут я, конечно, тележку рванул, да как заржу! А народ собрался, смотрит, хохочет! Ладно.

— Вези, говорит, меня в чайную...

Довез, остановился у чайной. Слез он, я к нему:

— Нельзя ли, что обещали, с вашей милости...

— Ладно, говорит, ладно, отдам! Только ты вот еще что мне сделай: будь у меня заместо собаки!

Я ему:

— Такое, можно сказать, унижение, что и не знаю...

— Ладно, говорит, не хочешь, и другого найму...

А народу тут стоит видимо-невидимо,—вестимо, всякому подработать хочется. Я, конечно, на попятный:

— Что-ж, дескать, не возражаю, только давай еще четвертную...

Дает!

— Беги, говорит, на четвереньках! Тащи мою палку!

Так, на четвереньках, с палкой в зубах, в трактир и прибежал. Народ хохочет во все горло и Фома Игнатьевич хохочет...

— Шарик!—это он мне-то,—служи!

Ну, я, конечно, на задние лапы! Так он долго со мной,—и то ему сделай, и это,—вот, хвастает, у меня собака какая, все понимает! А потом натешился, да и другим не смешно стало:

— Иди, говорит, вон!

— Я ему: дескать, за работу пожалуйста... Он мне—получай! Купил тут же две четверти и отдает мне... Я, конечно, домой:

— Ну, говорю, баба, какое счастье нам!

А баба недовольна! Рассказал я ей все по порядку, она слушала, слушала, да как трахнет меня по затылку... Да еще! Да в волосы! А я, вестимо, пьяный,—что я ей могу!

— Ах, ты, кричит, изверг ты! Опозорил ты меня на всю жизнь, чтоб тебе лопнуть, пьяная твоя голова! С таким подлецом, с мерзавцем связался, чтоб он вместе с самогонкой своей сквозь землю провалился... И с тобой, говорит, жить больше не хочу, завтра разводную потребую...

И кричит, и кричит на всю деревню... А я молчу да про себя все размышляю: с чего это она! А как она про самогонку-то начала, тут я и догадался:

— Верно, думаю, надул он меня, подлец! Обманул он меня, мошенник этакой—Фома-то, значит, Игнатьев, чтоб ему ни дна, ни покрывки! Я от бабы бегом да к нему! Он еще из трактира не ушел.

— Мошенник ты, говорю, сукин ты сын, опозорил, говорю, ты меня на всю мою жизнь...

А он смеется только:

— Чем же, говорит, я тебя опозорил? Как уговорились, так я с тобой и рассчитался...

— Как, говорю, сукин ты сын, рассчитался? Две четвертные! Да разве мыслимо такое, можно сказать, личности поругание—да за две четвертные, мазурик ты! За такую штуку ты должен был мне два ведра отвалить!

А он хоть бы что! И совесть в нем не заговорила, — хоть бы еще одну бутылку прибавил—только хохочет! Носит же земля таких стервцов, право слово!

Матвей Кредит.

О САНАТОРИЯХ.

Подобно всякому солидному ответственнику и с со-ответственной нагрузкой (не больше одного свободного вечера в неделю) тов. Кургузкин, Семен Евлампиевич, считал каждый санаторий своим личным врагом. И на постоянные советы довериться главному Кургузкин, сердясь, отвечал:

— Бросьте, товарищ. Я вам не институтка. В дрессировке не нуждаюсь.

— Какая институтка?..

— Такая. Небось, сам знаю. Товарищ Подболкин мне рассказывал про ваши эти санатории. Тогда-то вставай, тогда-то ложись, да того-то не ешь, да тем-то не занимайся... Я уже вышел из этого возраста. Не институтка я, чтоб меня в закрытом заведении воспитывали. Лучше бросим об этом...

Бросать удавалось до тех пор, пока в единоборстве с «нагрузкой» тов. Кургузкин не получил достаточно ощутительного урона: хитростью вызванный доктор констатировал обострение процесса в легких...

И тогда тов. Кургузкин сдался на милость диспансера.

А диспансер—известное дело — отправил тов. Кургузкина в санаторий.

В дороге тов. Кургузкин прижимал к себе ворох книг, взятых на время отдыха, и недовольно ворчал соседу:

— Небось, знаю я ихние монастырские нравы. Тогда-то не ешь, того-то не вставай, туда не спи... Но я им книг этих ни за что не отдам.

Сосед сочувствовал и учил конспиративно зашить брошюры в подкладку пальто.

Еще за версту от санатория в аллее начались признаки монастырских санаторных нравов.

Кургузкин слез и, нагрузившись всеми своими книгами, робко стал обходить фасад главного дома. Когда он подошел к одному из окон, оттуда с лаем высунулась симпатичная морда бульдога, и хриплый голос сказал:

— Опять нищий. Проходи, проходи отсюда, не то спущу собаку!

— Видите-ли, — скромно сказал Кургузкин, — я не нищий, а приехал сюда для отдыха... Как бы мне найти кого-нибудь из служащих санатория?

— Ну, я — служащая.

— Вы? В таком случае, не поместите ли вы меня в какую-нибудь комнату?

Обладательница хриплого женского голоса, бормоча что-то о типах, которых черт приносит не во-время, проводила тов. Кургузкина в комнату, где стояли кровать, столик и одинокий кувшин. Сзади все время шел бульдог и с нескрываемым аппетитом смотрел на кургузинские икры.

— Товарищ, — деликатно заметил Кургузкин, — а как же, например, мыться, ежели без тазика. Одним кувшином не обойдешься, и на пол лить не того...

— Мало что—не того. За окно выливайте! На всех на вас напа-сешься, как же!..

Женщина с бульдогом исчезла в бесконечности коридора, предупредив, что на харчи тов. Кургузкин будет зачислен по соображениям сметного характера только послезавтра, и что вставать и есть он может когда ему заблагорассудится.

Впрочем, последнее положение было лишь фикцией, так как около часу ночи, когда тов. Кургузкин заблагорассудилось лечь спать, он этого сделать не мог, в виду выступления хорового кружка при санатории и веселого смеха любителей «лунных ванн».

Два дня Кургузкин воочию наблюдал отсутствие институтских порядков. На третий—написал в газету заметку о необходимости санаторного режима в «Петрушкиных оврагах». А на четвертый день, не дождав-шись результата своей рабкоровской деятельности, уехал обратно в город.

Книг из подкладки тов. Кургузкин не выпарывал, так как, хотя никто и не запрещал, читать было трудно.

Уезжая, тов. Кургузкин, странно противореча себе самому, говорил:

— В санатории, знаете, главное—режим. А если режима нет, то что уж за лечение! Лопай, что хочешь, спи, сколько влезет, работать можно—это уж не отдых... Лучше уж я в городе посижу.

История о тов. Кургузкине и его перерождении, собственно, кончена. Но ведь дело не в нем. Кургузкина можно было вообще заставить умереть в интересах настоящего фельетона, захоти того автор или редакция. Ибо Кургузкин—лицо подавельное, отдельного от нас бытия не имеющее.

Но вот живых работников, попадающих в санатории с «режимом», жалко, и об этом стоит подумать.

В. Ардов.

Рис. К. Елисева.

— когда же ты устроишь к себе на службу Митю?

— Сократить, понимаешь ли, некого... У меня все свои.

ВИАРЫ В БОК

СТРЕЛКОВОЕ ДЕЛО.

Провозглашен лозунг—«Нам нужен хороший стрелок». Не успели его провозгласить, как стрелковые занятия стали усиленно развиваться. Из м. Житкевичи, Мозырского округа, сообщают:

Секретарь ячейки пограничников, Ермолинский, на обеде в столовой ЕПО стал спьяну приставать в фотографу с требованием сфотографировать его. Тот отказался, мотивируя отсутствием пластинок. Тогда Ермолинский закричал на фотографа: «Ты знаешь, кто я? Я дежурный по гарнизону, я ад'ютант. Я тебя арестую». Фотограф бросился бежать, а Ермолинский выстрелил в него из револьвера, но не попал.

Плохо еще стреляет Ермолинский. Требуется задать ему выучку.

НЕ ВИННОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ.

Мурманская газета «Полярная Правда» негодует по поводу рассылки врачом Вейнбергом вот такого приглашения:

Гостевой билет.

Комитет по организации празднования первого мая приглашает вас. почтить своим присутствием означенное празднование (помещение зубо-врачебного кабинета).

Круг приглашенных ограничен.

Просьба ко всем приглашенным захватить с собой бутылку чего-нибудь.

С'езд в 10 ч. вечера.

Организатор празднования встречи первого мая

врач Вейнберг.

«Полярной Правде» почему-то очень не нравится выражение—«захватить с собой чего-нибудь». Это выражение, может быть, совершенно не виновное. Вейнберг, возможно, имел в виду нарзан, сидро или вообще бутылку, чтобы гостям под конец праздника было чем стукнуть по голове соседа или даже самого догадливого хозяина.

ХИТРАЯ МЕХАНИКА.

Механик ф-ки им. Октябрьской революции, на ст. Малаховка, Казанск ж. д., Подыревский ходит в баню осматривать трубы только в те дни и часы, когда работницы стирают белье совершенно раздетые. Пускай тамошние работницы устроят Подыревскому настоящую баню. Забудет, как туда и ходить.

ДОРОГУ МУРАТУ.

Общее собрание граждан ст. Баговской постановило по докладу нач. Майк. округ. отдела ГПУ тов. Мурата приветствовать все мероприятия соввласти в лице Майкоп. округ. отдела ГПУ. Президиум окружисполкома разъяснил Мурату, что советскую власть олицетворяет с'езд советов, а в промежутках между ними—исполком. Мурат продолжает настаивать на своей формулировке.

Раз Мурат настаивает,—выход один: Майкопский исполком распустить, вручив Мурату всю полноту законодательной и исполнительной власти. Ведь, в самом деле, не переделывать же протокол из-за каких-то пустяков?

УЧИТЕЛЬ.

«На фабрике бывш. Циндель учитель рисовальной мастерской Русин заставляет ученика Абрамова подметать пол, сметать пыль, то сбегать за газетой, то в магазин и т. д., и т. д. И так вот уж полтора года, как его «обучает», а ученик ничему не выучился»...

Полтора года—это немного. Учитель Русин с октября 1917 г. по 1925 г.—и то ничему не выучился»...

ЧУВАШЕЙ ОБЕГОРИЛ.

Служащий волисполкома села Н.Шинхусск, Чувашской обл., Петр Алексеев явился на общее собрание чувашей в сопровождении волмилиционера Захарова с винтовкой и заявил, что если ему не дадут надежды земли, то он возьмет его силой оружия. Пугливые чуваша дали землю.

Милиционер тут, действительно, нужен. Тов. Захаров, отведите Алексея к т. прокурору: давно они что-то не выдались»...

ВЕСЕННЕЕ.

Выписка из протокола № 17/2 ч. Заседание президиума Геленджикского райисполкома.

О предстоящей весенней посевной кампании. Предложить райкомвнутриргу взять на учет весь имеющийся в районе посевной материал.

Почему райкомвнутриргу, а не деревообделочникам или кожевникам?

Валяли бы. Уж все равно.

О НЕРВНЫХ И БОЛЬНЫХ.

В районном клубе в Лефортове рабочие читали на-днях такую афишу:

Годовщина клуба... Небывалая программа... Отчетный вечер... Новость на сцене и в зале. Масса захватывающих трюков. Постоянно два клоуна. Шайка разбойников, резня живой лошади с живым всадником. Балет. Нервных и больных просят не ходить.

Судя по афише; за-клубом—человек нервный, ему также вредно быть в клубе.

ТИХОЕ СЕМЕЙСТВО.

В селе Ирюме, Шатровского района, Тюменского округа, Уральской области, Арефьев, Александр, член РКП, ведет партийную и политпросветительную работу, а мать его—занимается знахарством и доходами от своего прибыльного дела делится с сыном.

Товарищ Арефьев! Придержали бы мамашу-то! Неловко!

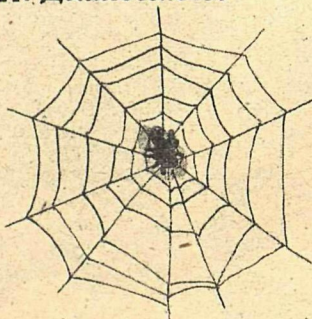
ВЫСШАЯ МЕРА ОБАЛДЕНИЯ.

Много чудес на свете, но Судогодский комитет комсомола вытряхнул совершенно невероятное. Рабкор «Глаз» пишет:

Вот, «Крокодилушко», тебе бумажка нашего уездного комитета. Бумажка, как бумажка. № 405, а число—40 марта. Сорок дней в марте.

Чтобы брикнуть сороковое марта, нужно осушить не сороковку, а целую сороковую бочку. Не сочтите это за намек. Так, просто—каламбур»...

Рис. Н. Денисовского.

— А у тебя разрешение на антенну есть?

ЛЮБИТЕЛЬ ЛЕСА.

Работники Себежского укома РЛКСМ Сафронов, Пузыня, Киселев, Гобович и Журавлев уехали на паску к себе в деревню и отпраздновали ее вместе со стариками. Сафронов должен был проводить в городе день леса, но он предпочел куличи и самогон.

В самом деле, непонятно, тов. Сафронов, чего это к вам придираются? Ну, какой же это день леса в городе? В деревне с самогончиком, в сосновом бору,—вот это дело. Склочники эти комсомольцы, что и говорить!

ПРОТИВ АРИФМЕТИКИ.

На Ковровском госзаводе № 4, Владимирской губ., борются с накладными расходами. В начале 1924 года комиссия постановила сократить административный персонал. Сократили. В результате вместо сокращенных 1 инженера и 1 зама взяли теперь 3 инженеров и одного зама и еще одного помзама.

Мы даже не знаем, что предложить. Придется, вероятно, еще несколько помзамов взять, тогда штат, наверное, сократится. Чудно как-то, но, как говорится, факт.

ГИДРА.

Вы не знаете, что такое есть гидра контр-революции? Нет? А вот в Ракше, Моршанского уезда, Тамбовской губернии, знают в лучшем виде!

Учительница в чем-то не согласилась с мнением ответственного секретаря волкома РЛКСМ, и готово: ответственный секретарь волкома Иванов сообщает куда следует, что учительница—контр-революционерка и агитирует «против РЛКСМ в целом».

Эх, Иванов, Иванов! Не седьмой ли ты уж, дорогой товарищ? А то про седьмого у покойника Чехова не плохо сказано.

Но самый вождь гидры—сторож избы-читальни. Про него официальный документ гласит следующее:

Ракшинская вол'ячейка

РКП(б)

23 апреля 1925 г.

№ 67.

В Ракшинский ВИК.

Восьмого апреля с. г. мною была подана записка товарищеского характера предвику тов. Модестову о замене сторожа в нардоме, но до сего времени сторож не заменен. В виду того, что при нардоме находится комната ячейки РКП(б), где сохраняются дела секретно политические, ячейка не может доверить данному сторожу, как политическому неблагонадежному человеку, что со стороны ячейки был ряд замечаний в халатном отношении сторожа к своим обязанностям, а посему, во избежание недоразумений, ячейка просит срочно заменить сторожа нардома, так как в данное время дела ячейки находятся в квартире ответсекретаря, что в корне недопустимо, согласно циркуляра ЦК партии.

Ответсекретарь Лимонов.

На каком же преступлении попался сторож?

Увы! Состав преступления налицо: сторож нардома отказался топить печи на квартире ответсекретаря Лимонова! Если учительница, осмелившаяся спорить с секретарем волкома РЛКСМ, является агитаторшей против РЛКСМ в целом, то сторож, дерзко отказывающийся топить квартиру секретаря ячейки РКП, очевидно, покушается на весь Коминтерн и является агентом Чемберлена!

Товарищи из Моршанского укома! Запомните две фамилии: Иванов и Лимонов! Пока только две.

НЕИСПРАВНОСТЬ ТЕЛЕГРАФА.

Вчера до двух часов ночи в редакцию тарантуйской «Звезды» не поступило ни одного сообщения об убийстве сельхозоров. Недоумение редакции не поддается описанию. Предполагается неисправность телеграфа.

— Вас динамовцы побили два на ноль.
— Зато мы их побили два на носилки.

НАДО ЛЕЧИТЬ.

В этом году несколько тысяч больных крестьян отправляются советской властью на курорты. Об одной очень энергичной отправке сообщает рабкор из м. Плешеницы, Борисовского округа.

Пришла к нам 5-го мая телеграмма—выделить больных крестьян для посылки на курорт, да чтобы спешно: 6-го в комиссию, а потом в округ. В ближайший сельсовет дали знать об этом 6-го в 11 ч. утра, чтобы к часу больные явились. Пора рабочая, горячая—никто из крестьян, конечно, не явился.

А это потому, что они знают, что в первую очередь нужно лечить тех администраторов, кои страдают бюрократической горячкой.

ОСОБЕННЫЙ ГУСЬ.

Поговорка гласит—гусь свинье не товарищ. Не скажите! Разные гуси бывают. Мы знаем одного гуся, который оказался товарищем целому выводку поросят.

Председатель райпрофбюро в м. Житкевичи, тов. Рудзинский, до того нагружен после митинга, что, возвращаясь под вечер домой, обратился к стаду поросят с речью: «Товарищи! Разрешите мне приветствовать» и т. д.

Вот видите,—гуси бывают разные.

УТОПИЯ.

В 1-м номере журнала «30 дней», издание газ. «Гудок», в отделе «Все то и все это» напечатано: **12 КОЛЕН ЧЕМБЕРЛЕНОВ.**

«Многие недоумевают, откуда появился опять Чемберлен. Неужели это тот, который с бумрами? Но ведь он потоплен во время войны с пароходом на пути в Россию подводной лодкой. Это не тот Чемберлен, это его брат».

Раньше, может быть, никто не «недоумевал». Но, прочитав это в «30 дней», действительно, недоумеваешь: — ведь подводной лодкой по пути в Россию потоплен не Чемберлен, а Китченер...

Нехорошо, «30 дней». Если уж топить, так топил бы не брата, а настоящего Чемберлена. Против этого и «Крокодил» не возражал бы.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ЛУЗЕВУ.

Не верится, но это факт, и препечальный. Вот:

«На фабрике «Красный Восток», в Зарайске, есть пом. директора, В. А. Лузев. Однажды Лузев вошел в магазин «Бухара», там же был и агент Шенаев.

«Кланяйтесь мне в ноги,—приказал Лузев. Шенаев стал на колени, перекрестился и поклонился в ноги...»

Прочитав это, «Крокодил» сказал: Чтоб ноги этого Лузева не было больше на ф-ке «Красный Восток!» Сбудется или нет?

СЛАБОУМНЫЙ ФЕЛЬДШЕР.

Гр. Малышев и Пегова решили вступить в брак и пошли к фельдшеру Воздвиженской больницы, Краснобаковского уезда, Новгородской губернии, тов. Пиранд, за медицинским удостоверением. Тот, не осматривая, нашел, что Малышев болен слабуумием и гонорреей. Обескураженные жених и невеста пошли за 18 верст в Воскресенскую больницу, где их признали совершенно здоровыми.

Зато тов. Пиранду ни одного шага сделать не нужно, чтобы получить удостоверение насчет слабуумия.

ГАЗЕТНАЯ МЕЛЬНИЦА.

«Рабочий Клич» № 93 печатает: Странное явление.

«Как сообщают из с. Мервина, Троицкой вол., Рязанского уезда, в протекающей здесь небольшой речке Плетенке образовался провал. Из провала, будто бы, вышла большая скала, на которой оказалась развалившаяся мельница с частями жерновов и плотина со свежей соломой. По сообщению корреспондента, столетние старики не помнят, чтобы на этом месте была когда-нибудь мельница».

Ничего тут странного. «Свежая солома» — недурной корм для какого-нибудь сотрудника «Рабочий Клич»... и редактору приятно, что в его газете печатаются последние «свежие» новости.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД.

Бывали случаи, когда крестьяне выгоняли шефов, приезжавших пикником, со спектаклями и леденцами для ребят.

(Из газет).

Ниночка Прима и Вова Напевный,
Зам и Замзав, и Начканц, и Помпом,
После собрания о «смычке с деревней»,
Приняли шефство над бедным селом.
Подняли знамя высокое шефа
Нина из студии, Вова из «Лефа»

Радость от шефства зимой небольшая.
Летом, конечно, другой переплет;
Общим собранием решили, вздыхая:
— Нужен к деревне культурный подход!
Зам и Замзав, и Начканц с счетоводом
Едут в деревню с «культурным подходом».

В каждой деревне пейзажи и виды,
Тихо склонилась над речкой ветла...
Бух дал с пишмашкой дуэт из «Диды»,
Нина «Лилового негра» прочла.
«Пом» заявил о пристрастии к овчинам,
«Зав» оделил ребятшек «ландрином».

Дали из «Фауста» легкий отрывок,
Сделал Напевный о «Лефе» доклад...
После спросили сметаны и сливок,
Свежих яиц, творогу и цыплят.
Радостно-хмельно на свежей лужайке,
Было и пиво, и речи о спайке.

Да... Но мужик, как потомок вандалов,
Страшно упрямый, язвительно-злой,
Не обошелся и здесь без скандалов,
Шефам велел убираться домой.
Чуть утащили конечности шефа
Завы, и Помы, и Вовы из «Лефа».

Ниночка Прима и Вова Напевный,
Зав, и Замзав и Начканц, и Помпом
Крепко обижены темной деревней:
— Дикость какая!.. Какой... бурелом!..
Шли к мужику они с факелом света,
И... Что быть может обидней, чем это?!

М. Андр.

СОБАЧИЙ ДРУГ.

Жалуются «Крокодилу»:

«В м. Широком, зав. пивоваренным заводом тов. Ковалевский держит двух собак в отдельной светлой комнате, а внизу—рабочая столовая, тесная и темная.

Почему такое предпочтение псам?

Товарищи из рабочкома, не знаете ли вы, где тут собака зарыта?

КУЛЬТУРНЫЕ СИЛЫ.

Уоно Можайского уезда запросило зав. политпросветом Троицкой волости т. Мезрина о том, сколько в волости имеется больных венерическими болезнями.

Завполитпросветом обиделся за такое отношение и ответил таким образом:

«На ваше отношение от 9/III о расследовании дела, что в Троицком много имеется венериков, и молодежь спит совместно с девками, сообщают: на основании фершалских пунктов, что венериков 5 человек и молодежь действительно спит с девками. Родители не препятствуют. Ведется всеми культурными силами реальных действий не производить, число которых колеблется от 12 до 20».

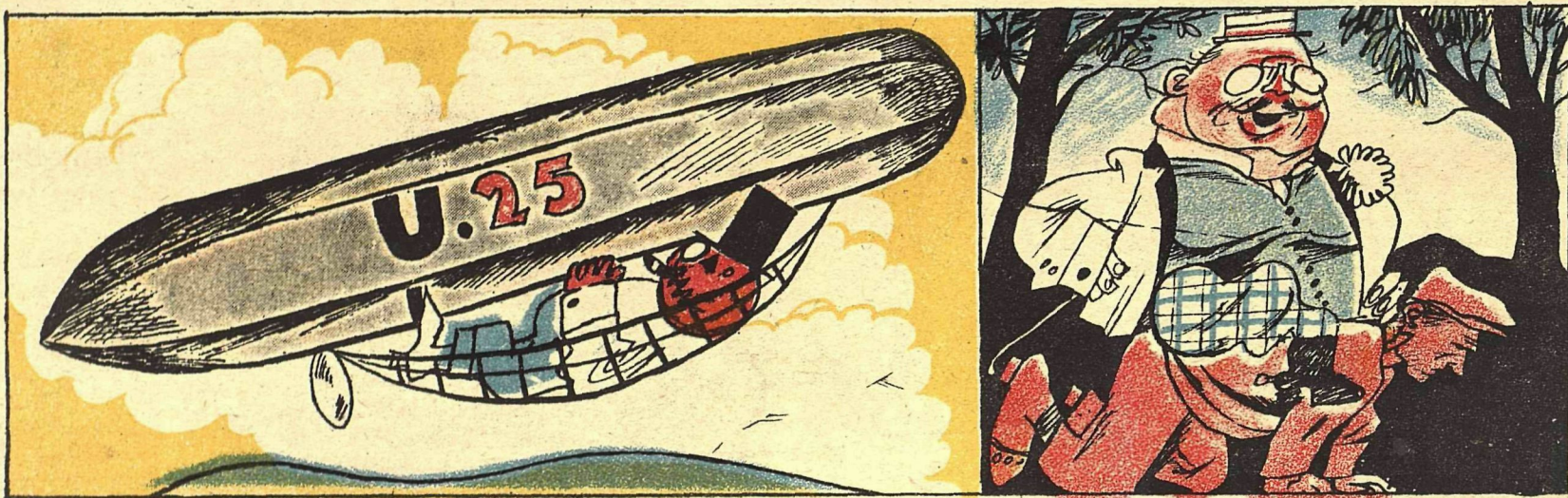
Мезрин.

Ответ сей завполитпросвета трудновато понять. Выходит так, что он, Мезрин, и еще 12—20 человек культурных сил в селе никаких реальных действий не производят. Пусть, мол, венерики поспят с девками, авось, венера появится с неба и мы на ней уедем в мировое пространство...

**ТЫ ПОСЛАЛ МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ОТДЕЛА
ВИЛЫ В БОК ?**

1. Наступило лето, и Антанта развлекается и блаженствует на даче. Вот она играет в городки...
2. Плавает.

3. Качается в гамаке.

4. Ездит верхом.

5. Играет в картишки.

6. Но все эти дачные удовольствия отравляются одним опасением: вдруг придут незваные гости.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Осипов (Мурманск)—не пойдет. Факт уже отмечен в прессе. Шлите местный материал.
Сидунов (Урал). Антонов (Ленинск), Виноградский (Новозыбков), Кулагин (Туркестан), Чупатов (Ржев), Контратьев (Астрахань), Никитин (Курсы Александровск), С. М. Н. (Москва), Сандалов (Владимир), Крапива (Борисоглебск), Коновалов (Кольчугино), Ванюшин (Юрьевец), Мычкин (Горбачиха), Козин (Донбасс), Ваня Бедный (Село Великое), Ребров (Тула), Вадинов (Кинешма), Хохлов (Поволжье), Позмогов (Владимир), Матвеев (Кременчуг), Ложечник (Н. Борисовка), Розанов (Гомель), Чугунов (Москва), Черняев (Великий Устюг), Савченков (Златоуст), Я (Петропавловск), Язва (Ростов на Дону), Эррак (Москва), Рунков (Москва), Твердов (Троцк),

Случайный (Нижний Новгород), Профработник (Поволжье), Гришкин (Белшиа), юнкор (Рязань), Уткин (Павлов. Посад), Волков (Донбасс), Шуркин (Кольчугино), Ключин (Сибирь), Бугач (Большая Калытва), Мезенцев (Урал), Никифоров (Камешково), Нестерович (Ярцево), А. Л. (Тверь), Лучев (Шелково), Блюмкин (Донбасс), Гиммельфарб (Ростов на Дону), Самзняю (Москва), Иванов (Вязники), Тепляков (Москва), Князев (Мытищи), Поляков (Струнино), Шабер (Сибирь), М. Б. (Донбасс), Эдонов (Москва), Анисов (Цивильск)—мелочь, не пойдет.
Виноградов (Тобольск). Шлите материал.
Стрюк (Москва)—присланное не пойдет. Сообщайте конкретные факты.
Голубев— не идет. В два журнала посылать одно и то же не полагается.
Дроздов (Ирбит) — На этот раз неудачно. Пишите еще.
Бабтрак (С. Нижне-Гниловское)—не идет, уже было напечатано в „Крокодиле“.